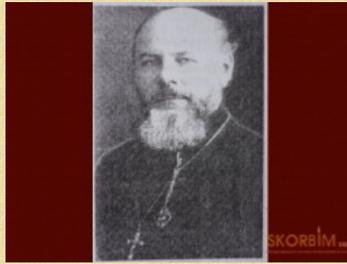

Протоиерей Николай Чепурин

00.00.1881 - 07.02.1947

Николай Васильевич Чепурин, протоиерей.

Родился в 1881. Окончил Харьковскую Духовную семинарию, Киевский и Кембриджский университеты. Священный сан принял в 1903. В 1919-1928 проректор Петроградского Богословского института.

Арестован кровавой советской властью в 1929. Приговорён к 8 годам ИТЛ. До 1946 работал в биологической лаборатории в Ташкенте.

С 1 сентября 1946 - настоятель Пименовского храма в Москве и инспектор Московских Духовных академии и семинарии. С 23 октября 1946 - ректор Московской Духовной Академии.

Скончался 7 февраля 1947 в городе Москва. Погребён на Введенском кладбище в городе Москва. Вместе с ним погребена его супруга Мария Федотовна Чепурина (1886-1968).

Глава «Ректор о. Николай Чепурин» из книги «Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима»:

Очень важный этап пережили наши духовные школы осенью 1946 - зимой 1947 г. Ректором Богословского института сперва был назначен о. Тихон Попов. Потом его за менил о. Сергей Савинский. Но вот, в ноябре 1946 г., Патриарх вызвал из Ташкента своего соратника по Петрограду, протоиерея Николая Викторовича Чепурина. Это был челю не к больших природных дарований. Блестящий студент Академии, он был оставлен при ней и качестве епархиального миссионера, помимо Академии учился на юридическом и на биологическом факультетах университета. Таким образом, он имел три ученых степени: богословия, права и микробиологии. Активный участник борьбы с обновленчеством, он провел 17 лет в заключении, в ссылках, на строительстве Беломорканала. Встреча с ним была драматичной. Из числа студентов нашего курса был выделен один — сейчас уже не помню, кто именно — для встречи его во Внуковском аэропорту, и, вернувшись оттуда, он поделился своими впечатлениями с некоторой долей испуга. Из самолета вышел крепкого сложения пожилой человек с багровым цветом лица и совсем маленькой бородкой, собственно, па самом кончике подбородка, с такими же подстриженными усами*, в кожаном пальто, и небольшой барашковой шапке; поздоровался, сел в машину, всю дорогу проехал молча, поблагодарил, вышел. Мы, привыкшие к душевной, теплой атмосфере, несколько приуныли. Через 2-3 дня он был назначен инспектором, а еще через несколько дней — ректором. Вызывали его на инспекторскую должность, а получил ректорскую. Вскоре мы увидели следы его присутствия в том, что полнился приказ номер такой-то от такого-то Числа по пищеблоку: всем надеть белые халаты т.п. Потом по режиму — то же самое; по дисциплине посещения занятий...

Но вот однажды за богослужением — в этот и день, я был обязан нести клиросное послушание, поэтому оказался не на патриаршей службе, а в Новодевичьем храме, - вышел о. Николай на запричастном с проповедью, которая совершенно повернула всех нас. Я сейчас не могу воспроизвести ее полностью - это была блестящая речь о пастырском долге, пастырском служении, но как афоризм я запомнил одну фразу, произнесенную им: «Вас здесь научат многим наукам, по ним вы сдаете экзамены. Но есть одна, по которой вы сдадите экзамен однажды в жизни и навсегда, это наука жертвовать собой». Почему я говорю, что это нас повернуло? — Потому, что это сразу придало деловой, нелюбительский характер всем нашим занятиям. Он взял на себя пастырское богословие и патрологию, и, естественно, мы все, весь наш курс — двадцать с лишним человек (тогда курсы у нас были маленькие) — сразу решили быть патрологами и апологетами, такими, как он, считая, что только на этом пути мы можем найти свое призвание**.

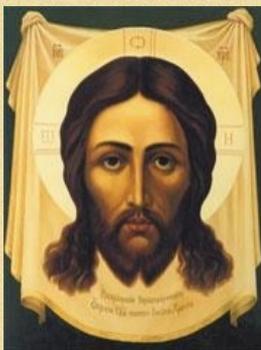
И другое важное обстоятельство. Уже в одну из первых недель своего пребывания в Москве, только осмотревшись и познакомившись с московским духовенством, он пригласил к себе отцов благочинных, видных протоиереев, угостил их чаем с лимоном — что по тем временам было особым знаком — и выпросил у них, у каждого, «налоговое самообложение» в пользу духовных учебных заведений. Таким образом, студентам стали платить стипендию. Во всяком случае, именно о. Николай подготовил реформы 1947 г. Мы уже заканчивали не Богословский институт, а семинарию. Богословский институт, четырехгодичный, был поделен пополам: два курса отошли к семинарии, два — к Академии. Таким образом, семинария стала действовать уже в полном составе: богословско-пастырские курсы дали два первых класса семинарии, третий и четвертый были образованы из первого и второго курса Богословского института. Третий и четвертый курсы Богословского института стали первыми двумя классами Духовной Академии. Поэтому я оказался в четвертом классе семинарии, а Толя Мельников, Гнедич, Иванов, Сперанский, Ушаков, Николаев оказались на первом курсе Академии и в 1950 г. окончили ее со степенью кандидата богословия. Так что, по существу, хотя начало духовных заведений относится к тому периоду, о котором я рассказывал, но возрождение но возрождение семинарии и Академии — это 1947 г. — по номиналу. Еще один эпизод я вспоминаю об о. Николае Чепурине: встречу Тихвинской иконы Божией Матери. Пришел он к нам однажды в класс, спросил сурово, кто из нас иподьяконы. Все затрепетали в ожидании прещений, а он сказал: «Сейчас будем встречать Матерь Божию». Действительно, мы пришли в Успенский храм облачились в стихари, вынесли свечи, хоругви и у святых ворот встретили икону Божией Матери Тихвинскую, которую привезли на грузовой машине; пронесли ее по монастырю, что вообще тогда было исключительным явлением, потому что территория принадлежала музею, и в храме он, опустившись на колени, прочитал перед ней импровизированную молитву. Я сейчас не могу восстановить

ее текст, помню только то настроение, с которым он ее произносил. Это была не молитва из молитвенника, а молитвенная импровизация, в которой он раскрывал душу перед иконой, как перед живой. Осталось только впечатление, и невозпроизводимое, и неповторимое. Еще он говорил нам так: «Конечно, приспособляться можно, все приспособляется: и растения, и животный мир, и человек. Где-то можно слукавить, где-то смолчать, но настанет тот трагический момент, когда вы однажды зададите себе вопрос: "А что же я сам?" Любое нарушение своей внутренней цельности - это начало катастрофы».

К сожалению, жил он недолго. Как сейчас помню: после занятий 6 февраля я поехал на свою работу в ризницу Патриархии; на углу Чистого и Кропоткинской, ныне опять Причистенки, встретил его — он раньше меня куда-то ехал, уезжал после встречи с делегацией французского нашего прихода из Парижа, Трехсвятительского подворья, а я тогда с ним простился, как обычно, а на утро 7 февраля, приехав на занятия, увидел поникших своих товарищей. Утро было очень морозное; растирая лицо от мороза, я спросил: «Что это вы так приуныли?» - и в ответ услышал: «Тише ты! Ректор умер...» Я решил, что это бывший ректор, о. Тихон Попов, но оказалось, что о. Николай ночью в одночасье скончался. Прощание было грустным, тяжелым, похоронили его на Немецком кладбище напротив митрополита Трифона (Туркестанова). Рядом с ним впоследствии была похоронена матушка Мария Федотовны, неизменная его спутница. В один день с о. Николаем (Чепуриным), 7 февраля 1947 г., умер старый друг нашей семьи – Александр Филиппович Караулин. Так я их вместе поминаю.

* - Потом мы узнали, почти полное отсутствие бороды и странный цвет его лица, которое от мороза всегда шелушилось, - это результат плохой пластической операции, потому что он был отброшен взрывной волной и лицо его было изуродовано. Впрочем, это его не безобразило, видно было только то, что это инородная ткань.

Источник: <http://church.necropol.org/chepurin.html>

Введенское кладбище

Адрес кладбища: Москва, ул. Наличная, д. 1., Телефон: 8-495-360-65-00.

[Перейти к месту захоронения](#)